

Рекомендация для цитирования:

Данилко Е. С. История уральской этики. Рецензия на: Дуглас Р. Старая вера и русская земля. Исследования истории этики на Урале / Пер. с англ. П. Шубиной. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2024. 522 с. (Серия «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika») // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2025. № 1(43). С. 365–371.

For citations:

Danilko, E. S. (2025) “A History of Ural Ethics. Review of: Douglas, R. (2024) *Old Faith and Russian Land. Studies on the History of Ethics in the Urals* [translated from English by P. Shubina]. SPb.: Academic Studies Press / Bibliorossica. 522 p. (Series “Contemporary Western Rusistika” = “Contemporary Western Rusistika”) (in Russ.)”, *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 1(43): 365–371.

Поступила в редакцию: 7.03.2025; принята в печать: 26.03.2025.

Received: 7.03.2025; Accepted for publication: 26.03.2025.

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© 2025 by the author

История уральской этики

Рецензия на: Дуглас Р. Старая вера и русская земля. Исследования истории этики на Урале / Пер. с англ. П. Шубиной]. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2024. 522 с. (Серия «Современная западная русистика» = «Contemporary Western Rusistika»)

ЕЛЕНА С. ДАНИЛКО

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия). Danja9@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4231-4759

A History of Ural Ethics

Review of: Douglas Rogers. (2024) *Old Faith and Russian Land. Studies on the History of Ethics in the Urals* [translated from English by P. Shubina]. SPb.: Academic Studies Press / Bibliorossica. 522 p. (Series “Contemporary Western Rusistika” = “Contemporary Western Rusistika”) (in Russ.)

Elena S. Danilko

N. N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). Danja9@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4231-4759

Полевые этнографические исследования в России имеют собственную специфику. Так сложилось, что, как правило, мы не проводим в поле классический (то есть непрерывный) «антропологический год». Конечно, полнота информации об изучаемом сообществе компенсируется за счет

частоты и регулярности наших экспедиций, но все же многое ускользает. Ускользает, прежде всего, как пишет Дуглас Роджерс, «поток повседневной жизни» (с. 62). Рецензируемая монография — редкое исключение. Автор прожил в небольшом уральском селе Сепыч более года (2000–2001 годы), затем несколько раз туда возвращался (2002, 2004, 2006, 2008 годы) и, хотя архивные материалы были лишь дополнительным источником, почти восемь месяцев проработал в российских архивах.

Полевые методы Роджерса меньше всего были похожи на серию интервью. Сам он называет свое общение «беседами», которые случались во время случайных встреч, в процессе общей трудовой деятельности, в ходе заметных публичных событий, религиозных богослужений или семейных застолий. Его знакомство с жителями Сепыча разворачивалось через родственные связи семей, в которых он жил, затем расширялось через включение в сельскохозяйственные работы и работу в местной школе и музее, в решение его личных бытовых задач. Все это давало естественный контекст для разговоров о различиях между советскими и постсоветскими порядками труда, обмена и накопления, семейных дел и вос-

питания детей и так или иначе касалось этических вопросов, даже не требуя специальных наводящих рамок. «В некоторых случаях, — пишет Роджерс, — мои разговоры в Сепыче действительно включали слова или фразы, обозначающие „мораль“ и „этику“ (например, нравственность, моральный образ жизни) или, чаще, разговоры о разных видах или свойствах человека» (с. 54), однако, как правило, эти термины не звучали напрямую.

Село Сепыч Верещагинского района Пермского края, которому посвящена книга Дугласа Роджерса, имеет долгую и непростую историю. Роджерс прослеживает ее с момента основания села в конце XVIII века, когда оно являлось владением помещиков Строгановых, до начала XXI века. Это небольшое село, — по последней переписи, его население составляет что-то около 1200 человек, — однако, по мнению автора, это не делает события, происходящие в нем, менее значимыми и не отделяет живущих в нем людей от процессов, протекающих в России и в мире (с. 47). Вместе с тем, характеризуя жанр своей работы как историческую антропологию, Роджерс избегает генерализаций в духе «часть отражает целое», а связи Сепыча с более широким социаль-

ным контекстом он выстраивает на возможности ставить различные теоретические вопросы.

В центре внимания, как мы видим из названия книги, — история этики, под которой автор понимает «поле социально локализованных и основанных на культурных особенностях практик, хотя бы отчасти ориентированных на представления о добродетелях и пороках, о хорошем и плохом» (с. 34). Объединяя староверов Сепыча в «моральные сообщества», Роджерс рассматривает используемый ими «этический репертуар», или практики, определяющие их выборы, поступки и решения в определенные исторические отрезки времени и во взаимосвязи с «морализаторскими дискурсами», — будь то Кормчая книга или государственная идеология, — а также внешними и внутренними акторами, экономикой, социальными нормами и повседневными ситуациями. Важными объектами описания этого репертуара становятся собственно «материалы этики», то есть физические объекты (деньги, пища, тела), ритуалы и формы обмена. Циркуляция этих материалов внутри сообщества, их пластичность под воздействием внешних трансформаций, когда ценностными характе-

ристиками наделяются либо старые, освященные традицией, либо новые и порой совершенно неожиданные явления и практики, — все это и есть предмет исследования в книге Роджерса. Соответственно, обращаясь к изучению религиозного сообщества, он показывает, что социальные изменения, такие как переселения, коллективизация, дефицит ресурсов, оказывали не менее сильное влияние на этический кодекс и поведенческие стратегии членов группы, чем религиозные установления и правила.

Монография выстроена по хронологическому принципу, от появления Сепыча и распространения старообрядчества до сегодняшних дней, но это не столько реконструкция исторических событий, сколько история идей, история изменений этического репертуара, используемого местными жителями в разные периоды. Всего в книге восемь глав, она снабжена библиографией и предметно-именным указателем, а предваряется двумя предисловиями, одно из которых — к русскому переводу. Впервые книга вышла в 2009 году на английском языке. Книга снабжена авторскими иллюстрациями.

В первой главе, охватывающей период помещичьего землевладения до отмены

крепостного права в 1861 году, автор пытается обрисовать истоки формирования этического репертуара старообрядцев Сепыча под влиянием идеологических разделений внутри движения, ландшафтных особенностей местности и расселения, разрозненности и немногочисленности старообрядческих групп, внутри которых отсутствовала жесткая иерархия, а пастыри, как правило, мужчины средних лет, выбирались коллективно. Важнейшим в то время для беспоповцев Сепыча был вопрос о браке. Отсутствие самого таинства провоцировало поиск практического его решения при заключении семейных союзов (замена другими социально одобренными способами благословения брака, трансформация свадебной обрядности и т. д.). Уже к концу XIX века здесь образуется условная граница между поколениями, — определенное влияние на это оказали и морализаторские кампании Николая I относительно заключения браков, — и эта граница призвана сохранить возможность религиозного спасения через аскетизм в условиях неуклонного расширения контактов с окружающим миром. Биологическое воспроизводство окончательно переходит в область семейного регуиро-

вания, тогда как воспроизводство социальное — к группе соборных, обладающих знанием текстов и ритуалов, строго соблюдающих правила и установления, но огражденных от мирских соблазнов.

Во второй главе прослеживается влияние модернизации на повседневную жизнь в Сепыче, когда некоторая часть сообщества получает больший доступ к материальным благам через торговлю и мелкое производство. Возникшее экономическое неравенство становится одним из важных факторов, предопределивших раскол общины на «деминцев» и «масксимовцев»¹, последствия которого сохранились до конца XX века. Автор

¹. Община старообрядцев-беспоповцев поморского согласия, расселившихся в Сепыче и окрестных поселениях, разделилась на две части в конце XIX века из-за споров о благочестии. Разделение началось с конфликта между двумя духовными наставниками, впоследствии последователи Максима Жданова стали называться «максимовцами», а более многочисленные последователи Максима Григорьевича — «деминцами». Конфликт рассматривался на целом ряде местных соборов. Его причины трактовались в рукописях по-разному. Согласно максимовской версии, в основе лежал отказ соборных села Демино подчиняться решению общего собора, тогда как в деминской версии больше внимания уделялось перечислению ересей, в которые впали их оппоненты, поддавшись искушению мирской жизни.

пытается разобраться в конфликте, используя оригинальные старообрядческие сочинения и полевые наблюдения, которые обозначают социальные причины раскола, прежде всего формирующееся экономическое неравенство, а также наметившиеся гендерные противоречия внутри сообщества. Эти противоречия выражаются в увеличении роли женщин в группе с привычным для нее мужским доминированием.

Следующие две главы, одна посвященная молодежи, другая — соборным, охватывают советский период существования Сепыча. Этот период начинается с трагедии местного восстания и репрессий и завершается относительной стабильностью «застоя». Советские властные отношения и порожденные ими моральные ожидания трансформировали этический репертуар и утверждали другие социальные и экономические модели, о которых автор пишет, как о системе накопления «богатства в людях», то есть обзаведения связями, знакомствами, укрепления личного авторитета и обретения поддержки (с. 178). Как показывает исследование, различия между поколениями усиливаются, при этом социальные изменения, такие как переселения, коллективизация, недостаток матери-

альных ресурсов, влияют на эти процессы даже более ощутимо, чем антирелигиозная кампания. Отсутствие выраженных материальных религиозных объектов (церквей), отложенные ритуальные практики, с одной стороны, амортизировали государственное давление, с другой — позволяли молодому поколению включаться в трудовые отношения, а старшему — выступать хранителями религиозности. Описанные процессы Роджерс анализирует в том числе и на примере созданного в 1980 году документального фильма «Сепычевские свадьбы», призванного показать вовлечение молодых жителей села в процессы социалистического строительства. При этом адаптированный к абстрактным «народным традициям» свадебный ритуал, который конструируется властями как символ местной идентичности, совершенно не затрагивает правил жизни соборных. То есть этические репертуары разных поколений, циркулирующие в одном социальном поле, не соприкасаются. Любопытно, что свое место в сети этих взаимосвязей занимают и приезжие археографы, чьи интересы, артикулируемые как «сохранение традиции», охватывают лишь старшее поколение. Яркой иллюстрацией сложившейся ситуации стано-

вится то, что съемочная группа фильма и научная экспедиция работают в селе в одно и то же лето, но как будто не замечают существования друг друга (с. 294).

Постсоветский период, о котором речь идет в последних трех главах монографии, поставил сепычевских старообрядцев перед новыми вызовами. Экономическая нестабильность и социальные перемены, изменение самой природы хозяйствования и форм обмена (например, самогон вместо денег) не могли не отразиться на этических нормах. Представления о том, что трансформации материальных вещей одновременно создают и вскрывают испорченность людей, как пишет Дуглас, были широко распространены в Сепыче в постсоветское время (с. 301).

Другим важным фактором становится появление в беспоповском Сепыче священнической церкви. Возглавляемая мужчинами и включенная в широкую сеть связей для части жителей она оказывается более авторитетной, чем группа соборных старух. В развернувшейся, по определению автора, «борьбе вокруг того, как лучше всего строить новые моральные сообщества в условиях неопределенности и быстрых преоб-

разований русской деревни» (с. 408), перед жителями села возникает множество дилемм и вновь обостряются споры о способах, обеспечивающих христианское спасение. Перебираемые заново моральные сообщества не строятся по легко различимым и устойчивым конфессиональным линиям. Поповская и беспоповская церкви не воспринимаются как некие конфессии, к которым можно единожды обратиться, это, скорее, «разновидности этической практики, соответствующие разным этапам жизни» каждого человека (с. 450). В связи с этим в последней главе, анализируя ритуалы крещения, которые все чаще совершаются в поповской церкви, и похорон, остающихся в ведении соборных старушек, Роджерс акцентирует внимание на роли старшего поколения («правильных старух»), привлекаемого к исполнению обрядов.

Подводя итоги своего многолетнего труда, Дуглас Роджерс рассуждает о будущем Сепыча, предсказать которое, безусловно, сложно. Однако каким бы оно ни оказалось, можно с уверенностью предположить, что хорошо знакомый жителям Сепыча, пусть и изменчивый, «репертуар ландшафтов и трудов, людей

и предметов, ритуалов и молитв» (с. 460) не перестанет быть для них ориентиром. А успешный пример такого многоуровневого и внимательного исследования небольшого сообщества в географически ограниченном пространстве,

но выводящее в широкое теоретико-методологическое поле и открывающее возможность множественных интерпретаций, станет прекрасным ориентиром для российских антропологов и историков.